

М. В. Караваешкина (Москва)

«СУДЬБА ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫХ ЛИШЕНА ПЕРСПЕКТИВ?»

Поводом для написания статьи стало предположение академика В. В. Виноградова: «Судьба притяжательных лишена перспектив» [1, с. 200]. Эта мысль была им высказана более семидесяти лет назад в первом издании книги «Русский язык. Грамматическое учение о слове». Вероятно, причиной этого высказывания послужили наблюдения ученого над особенностями употребления этих слов в современной ему речи.

Можно ли говорить о том, что современное состояние языка подтверждает эту идею?

Наблюдая за речью современной молодежи, автор настоящей статьи подметил одну интересную особенность. Очень часто молодые люди заменяют конструкции «притяжательное прилагательное или притяжательное местоимение + существительное (гл. слово)» на словосочетание «существительное или личное местоимение в родительном падеже со значением принадлежности + существительное (гл. слово)». О своих наблюдениях автор рассказал в статье «Об употреблении притяжательных прилагательных и местоимений в речи современной молодежи» [2, с. 93–100]. Современный молодой человек скажет не «мамин брат», а «брат мамы», а словосочетание «у моей подруги» может быть заменено в разговорной (именно в разговорной!) речи на «у меня у подруги». Причем конструкции с двумя родительными принадлежностями нередко разбиваются на две предикативные единицы: «У меня у мамы был брат. Он был архитектором».

Еще более интересные наблюдения можно сделать, проанализировав употребление, а точнее, неупотребление притяжательных в речи дошкольника и современного младшего школьника. При проверке развитости и готовности детей дошкольного возраста к обучению в школе логопеды просят образовать притяжательные прилагательные. Так, например, во многих пособиях можно встретить изображение нескольких животных и нескольких хвостов. Ребенку предлагается соединить картинки и ответить на вопрос, чей это хвост (см., например: О. Б. Иншакова «Альбом для логопеда» и другие пособия). При этом верным считается ответ, в котором употреблено притяжательное прилагательное. То есть нужно сказать «беличий хвост», а не «хвост белки». Эти задания, как правило, вызывают затруднения у детей, а в не-

которых случаях ребят даже заставляют заучивать «правильные» формы, которые потом в живой речи употребляться не будут.

То есть мы видим, что идеи академика В. В. Виноградова подтверждаются практикой современной устной речи. В связи с этим мы задали вопрос: почему все это происходит, какую силу движутся эти преобразования? Скорее всего, в языке, в самой категории притяжательности уже заложена возможность такого развития.

Сразу необходимо оговориться, что мы признаем и понимаем все трудности классификации имен прилагательных. Внести какую-либо ясность в данный вопрос не входит в задачу настоящей статьи. Считаем нужным отметить, что Г. А. Хабургаев, например, говорил: «В плане общей лексической семантики относительные прилагательные тесно связаны с притяжательными, поскольку притяжательность – частный случай отношения» [3, с. 178].

Академик В. В. Виноградов, напротив, противопоставлял притяжательные прилагательные всем остальным. Он отмечал, что по типу склонения и по функции они резко отличаются от других и сама прилагательность их условна. Эти прилагательные и местоимения *мой, твой, тот, этот* и др. не только выделяют предмет, но и индивидуализируют его посредством указания на него самого или на его владельца. Они выполняют функцию указания (в широком смысле слова), а не качественного определения. В данном случае слова *сестрин, нянин, дядин* противопоставлены словам *лошадиный, куриный, соловьиный*. Слово *отцов* обозначает принадлежность отцу, а *отцовский* – не притяжательность, а качественное отношение к кому-либо [1, с. 192–193].

В данной статье под термином «притяжательные прилагательные» мы будем понимать прилагательные, обозначающие принадлежность к какому-либо конкретному лицу или животному, и остановимся на прилагательных, образованных с помощью суффиксов *-ин* и *-ов*.

Очень интересно, что уже в грамматиках первой половины XIX века (например, у Н. И. Греча) притяжательные личные (или частные), происходящие от имени одного живого существа (*женин, львов*), противопоставлялись родовым, или общим (*женский, львиный*) [4, с. 76–77]. Об этом же писал и Г. П. Павский [5, с. 41–42].

То есть притяжательные прилагательные несут функцию индивидуализирующего, обособляющего указания на принадлежности одному существу, единичному обладателю. И в этом, на наш взгляд, кроется одна из причин разрушения их формы. Общности качества проти-

востоит значение индивидуализирующего выделения предмета. Может быть, противопоставление по сути, по семантике, рождает расподобление по форме? На эту мысль нас натолкнуло очень тонкое замечание А. М. Пешковского: «В прилагательных типа «братнин», «отцов» суффиксы *-ин* и *-ов* обозначают прямую принадлежность (не просто отношение), а значение это само по себе связано с отвлечением от тех или иных качеств; мы ими указываем, что предмет, всецело, со всеми своими качествами, каковы бы они ни были, принадлежит другому предмету (вернее, указанному основой имени существительного другому единичному лицу)» [6, с. 103].

Притяжательные прилагательные на *-ин* и *-ов* застывают на стадии указательных слов, обозначающих единичного владельца. Это очень узкий круг употребления. Причина разрушения таких форм, может быть, кроется и в этом. Например, в словосочетании «мамин стул» прилагательное не обязательно обозначает именно принадлежность маме. Это может быть и просто любимый мамой стул, и стул, на который мама обычно ставит свою сумку, и т. д. Поэтому появляется «стул мамы», а по аналогии «брат мамы» вместо «мамин брат». Если вспомнить задания, которые вызывали затруднения у современных дошкольников, то можно сказать, что в речи детей прослеживается та же закономерность: словосочетание «хвост белки» они интуитивно выбирают потому, что здесь обозначена не индивидуальная принадлежность, а общий признак. Словосочетания, в которых в качестве зависимого слова употреблено существительное в родительном падеже, обозначают типичность, характерность.

Тенденция такой замены прослеживается в произведениях русской классической литературы с начала XIX века. А есть ли у таких замен причины, не связанные с внутренним устройством языка? На наш взгляд, здесь можно наблюдать тенденцию к общему упрощению речи. Прилагательные привносят в речь красочность, образность, если их убрать, получается только констатация факта. Возможно, конструкции с двумя существительными получили столь широкое распространение в современной речи еще и потому, что выполняют свою функцию – короткое сообщение, содержащее только конкретную информацию.

Наблюдая за употреблением притяжательных прилагательных или существительных в родительном падеже, А. Н. Стеценко писал о том, что форма родительного падежа предпочтительней, так как позволяет

употребить конкретизирующее притяжательное местоимение: дети *его* сестры, подруга *моей* жены. То есть в таких словосочетаниях притяжательность рассредоточена по двум словам [7, с. 57]. В современной же разговорной речи мы все чаще слышим, что и второе притяжательное слово, местоимение, заменяется на родительный падеж личного: «У меня у сестры дети ходят в музыкальную школу», «У него у жены есть подруга».

На наш взгляд, при замене притяжательного прилагательного или местоимения на родительный падеж существительного или личного местоимения происходит смещение смыслового акцента во всем предложении. Например: «Я сегодня не приду. У меня у мамы день рождения». Говорящий таким образом оправдывается: он что-то может или не может сделать по какой-то причине. Заметим, что позиция начала предложения, позиция актуализации, требует постановки скорее имени в косвенном падеже (или местоимения), а не притяжательной формы. Говорящему в данном случае не важна принадлежность, ему важно собственное «я» и возможность убедить окружающих в своей правоте.

Быстрое распространение и частотность подобных конструкций в современной разговорной речи может служить иллюстрацией научных идей Ю. Д. Апресяна о перемещении фокуса внимания лингвистики на языковые значения как связанные «с фактами действительности не прямо, а через отсылки к деталям наивной модели мира, как она представлена в данном языке» [8, с. 630], в результате чего появляется «основа для выявления универсальных и национально своеобразных черт в семантике естественных языков» [8, с. 630]. Также, по мнению ученого, представления о человеке выступают в качестве естественной точки отсчета для гораздо большего количества языковых значений, чем это было принято считать ранее, при этом язык не только антропоцентричен, но и эгоцентричен значительно более, чем признается в настоящее время.

Есть и еще одна тенденция в современном языке, которая позволяет существовать заменам такого типа. Н. С. Валгина отмечает, что в современном русском синтаксисе предложные сочетания часто приходят на смену беспредложному управлению [9, с. 263]. В современном русском языке предлогов и предложных сочетаний гораздо больше, чем было в языке древнерусском. Исследователь считает, что предлоги помогают дифференцировать значения, передаваемые при помощи падежных форм [9, с. 265]. Не знаем, можно ли в конструкци-

яч типа «у меня у мамы день рождения» говорить о дифференциации значений, но именно современная ситуация с очень активным употреблением предлогов «поддерживает» их в разговорном языке.

А. П. Ушакова отмечает, что в современном русском языке находят употребление имена прилагательные, которые имели малое распространение и в ранний период существования русского языка или возникли достаточно поздно: «к мужниной зарплате» (К. Лагунов. «Завтрак на траве») или «мужнего смокинга» (М. Арбатова. «Визит не старой дамы») [10, с. 47–50]. Но подобные формы очень редки, они носят характер литературной игры, маски и не могут быть свидетельством какой-либо тенденции.

Современная же разговорная речь, на наш взгляд, полностью подтвердила правоту предположения академика В. В. Виноградова.

1. Виноградов, В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – М.: Учпедгиз, 1947.

2. Каравашкина, М. В. Об употреблении притяжательных прилагательных и местоимений в речи современной молодежи / М. В. Каравашкина // Языковое и литературное образование в современном обществе – 2013. Сборник научных статей по итогам Международной научно-практической юбилейной конференции (Санкт-Петербург, 12–14 декабря 2013 г.). – СПб., 2014. – С. 93–101.

3. Хабургаев, Г. А. Очерки исторической морфологии русского языка. Имена / Г. А. Хабургаев. – М.: МГУ, 1990.

4. Греч, Н. И. Практическая русская грамматика / Н. И. Греч. – СПб., 1834.

5. Павский, Г. П. Филологические наблюдения. Рассуждение второе / Г. П. Павский. – СПб., 1850.

6. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – М., 1956.

7. Стеценко, А. Н. Исторический синтаксис русского языка / А. Н. Стеценко. – М., 1972.

8. Апресян, Ю. Д. Избранные труды / Ю. Д. Апресян. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – Т. 2.

9. Валгина, Н. С. Активные процессы в современном русском языке / Н. С. Валгина. – М., 2001.

10. Ушакова, Н. А. О своеобразии конструкций притяжательности в произведениях Н. А. Лухмановой / Н. А. Ушакова // Лексикология и лексикография: Материалы 32-й международной конференции. Русский славянский цикл. – СПб., 2004. – С. 47–51.